

К ПРОБЛЕМЕ СИНТАКСИЧНОСТИ КОМПОЗИТОВ В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Б. С. ХОДЖУМЯН

Сложные слова представляют собой универсальную категорию лексических единиц, активно функционирующих как в словообразовательной системе современного русского, так и в словообразовательной системе современного армянского языка.

В настоящей статье проводится сопоставительный анализ русских и армянских сложных лексических единиц с точки зрения выявления возможности их соотношения с определенными синтаксическими конструкциями.

Исследуемый лексический материал, извлеченный из словарей современного русского и армянского языков, позволяет констатировать возможность подобного соотношения: любое русское или армянское сложное слово, зафиксированное в словаре как самостоятельная лексическая единица, имеет свой синонимичный синтаксический эквивалент в форме соответствующего словосочетания или соответствующего сложноподчиненного предложения. Большинство сложных существительных обнаруживает способность и к словосочетательной, и к предложенческой объективации, т. е. разворачивается на обоих уровнях синтаксиса одновременно. Те же композиты, которые невозможно трансформировать на одном из указанных уровней, имеет смысл рассматривать на другом. Иначе говоря, сложная лексическая единица выступает в качестве лексического синонима либо соответствующего словосочетания и соответствующего предложения одновременно, либо — только словосочетания, либо — только предложения.

Сложные существительные с процессуальной семантикой затрудняют объективацию на предложенческом уровне. Это, очевидно, объясняется тем, что синтаксический строй как русского, так и армянского языков не располагает такими предложенческими конструкциями, которые позволили бы четко передать указанное семантическое значение. Однако из этого вовсе не следует, что предложенческая трансформация таких слов полностью исключается: она возможна, но представляется слишком искусственной. Слово-сочетательный же облик этих композитов весьма прозрачен.

Сравним:

*сетевязание — то, когда вяжут сети,
кораблестроение — то, когда строят корабли,
книгопечатание — то, когда печатают книги,
деревообработка — то, когда обрабатывают дерево,
огнепоклонничество — то, когда поклоняются огню,
казнокрадство — то, когда крадут казну,
самовлюбленность — то, когда человек влюблен в самого себя;*

но на словосочетательном уровне:

*сетевязание — вязание сетей,
кораблестроение — постройка кораблей,
книгопечатание — печатание книг,
деревообработка — обработка дерева,
огнепоклонничество — поклонение огню,
казнокрадство — кража казны,
самовлюбленность — влюбленность в самого себя.*

Сравним с армянским:

ցանցանյութություն—այն, երբ ցանց են հյուսում,
նավակառուցում—այն, երբ նավեր են կառուցում,
գրանդատարակում—այն, երբ գրքեր են հրատարակում,
փայտամշակում—այն, երբ փայտ են մշակում,
կրակապաշտություն—այն, երբ կրակ են պաշտում,
զանձագողություն—այն, երբ զանձ են գողանում,
իենհասիրանարվածություն—այն, երբ մարդ սիրանարված է իենն իրեն:

НО:

ցանցանյութություն—ցանց հյուսելը,
նավակառուցում—նավեր կառուցելը,
գրանդատարակում—գրքեր հրատարակելը,
փայտամշակում—փայտ մշակելը,
կրակապաշտություն—կրակ պաշտելը,
զանձագողություն—զանձ գողանալը,
իենհասիրանարվածություն—իենն իրեն սիրանարվելը:

В отличие от сложных существительных с процессуальной семантикой, сложные слова с локальной семантикой внутри обоих языков свободнее соотносятся с определенными предложенческими эквивалентами, нежели со словосочетательными.

Например:

водогрейня—то место, где нагревают воду,
солеварня—то место, где варят соль,
книгохранилище—то место, где хранят книги.

Сравним с армянским:

չրհանցարան—այն տեղը, որտեղ շուր են եռացնում,
աղբփարան—այն տեղը, որտեղ աղ են եփում,
գրապահոց—այն տեղը, որտեղ գրքեր են պահում.

Однако, несмотря на отмеченные затруднения, подавляющее большинство сложных слов, зафиксированных в словарях русского и армянского языков, легко может быть описано на обоих уровнях синтаксиса.

Сравним:

зубочистка—1) чистящая зубы, 2) то, чем чистят зубы;
соковыжималка—1) выжимающая сок, 2) то, чем выжимают сок;
бытописатель—1) описывающий быт, 2) тот, кто описывает быт.

Аналогично в армянском:

ստամմաբերչ—1) ստամմեր մաքրող, 2) այն, ինչով ստամմեր են մաքրում,
հյուրաբամբիչ—1) հյուր բամբող, 2) այն, ինչով հյուր են բամում,
կենցաղագիր—1) կենցաղը նկարագրող, 2) նա, ով նկարագրում է կենցաղը.

Вышепредставленный ряд примеров позволяет еще раз убедиться в правомерности утверждения, что любое сложное слово как в русском, так и в армянском языках, синонимично определенному словосочетанию или предложенческой конструкции. Последние как бы описывают внутреннюю семантику соответствующих сложных слов в развернутой форме. Иначе говоря, любой композит представляет собой «конденсированное» словосочетание или предложение.

Сопоставительный анализ синтаксической природы русских и армянских сложных лексических единиц показал, что наиболее продуктивны словосочетательные эквиваленты сложных слов: в форме словосочетания возможно передать практически все сложные слова. Предложенческая же объективация сложных существительных порой представляется искусственной.

Выше были отмечены случаи затруднения в подборе синтаксических синонимов рассматриваемых сложных слов, зачастую обуславливаемые семантикой производящих суффиксов.

Как известно, каждый суффикс несет определенную семантическую нагрузку и при образовании соответствующего слова переносит в него свою семантику, иначе—семантическое наполнение производящего суффикса предопределяет семантическое значение производного слова.

Словообразовательный анализ русских сложных слов с процессуальной семантикой выявил у них следующий ряд суффиксов, затрудняющих предложенческую объективацию производных композитов: -ние (-ание, -ение), -ств(о), -к(а), -ость, а в некоторых случаях—нулевой суффиксальный показатель¹.

Сопоставительное исследование сложных слов в русском и армянском языках обнаружило следующую закономерность: весьма искусственной представляется предложенческая объективация армянских композитов, образованных посредством суффиксов *-սիջյունի*, *-ում*²:

Выделенные суффиксы организуют сложные слова, адекватные по своему семантическому значению соответствующим русским сложным словам.

Внутри армянской словообразовательной системы также можно выделить класс сложных лексических нульсуффиксных единиц, затрудняющих синонимическое соотношение с определенными предложениями. Но так же, как и в словообразовательной системе современного русского языка, в рамках армянского словопроизводства способ нулевой суффиксации порождает также слова, свободно соотносимые с соответствующими предложениями.

Сравним:

խոսեցանք—այն պարզեւր, երբ խոսեցե՞նք

տեղեւորեցի—այն, երբ տեղեւորեցի

но:

բռնեցա—եւ, ով բռնեցե՞ք

կենտրոնեցի—եւ, ով կենտրոնեցի

и т. д.

Таким образом, в плане синтаксической науки представляются искусственными предложенческие соответствия сложных лексических единиц с семантикой действия или деятельности, передаваемые в русском языке посредством суффиксов -ние, -ств(о), -к(а), -ость, а в армянском—посредством суффиксов—*-սիջյունի* и *-ում*, а также (в словообразовательных рамках обоих языков) определенный класс слов, порожденных методом нулевой суффиксации.

Этот вывод, сделанный на основе конкретного лексического материала, свидетельствует о полной идентичности рассматриваемых русских и армянских параллельных композитов: в системах обоих языков затруднительна предложенческая объективация сложных существительных с синонимичной семантикой, оформляющихся посредством адекватных суффиксальных показателей.

В плане словосочетательной объективации исследуемых сложных лексических единиц также не наблюдается расхождений между русскими сложными словами и их армянскими эквивалентами. В обоих языках отличается определенной искусственностью словосочетательная трансформация сложных лексических единиц с локальным значением, передаваемым в русском языке преимущественно суффиксами -ищ(е), -н(я), а в армянском—суффиксами *-ոց*, *-որակ*³.

Итак, в каждом конкретном случае важно выяснение семантики производящего суффикса или нулевого показателя словообразовательного типа.

В целом исследование русско-армянских параллельных сложных лексических единиц в плане их синтаксической объективации позволяет заметить, что подавляющее большинство этих единиц имеют свои синтаксические корреляты. Среди рассматриваемых композитов, послуживших лексическим материалом для настоящей статьи, не выявлено ни одного, полностью исключающего синтаксическую объективацию.

Как уже было отмечено, возможность или невозможность синтаксической трансфор-

¹ Сложные лексические единицы, образованные способом нулевой суффиксации, затрудняют преобразование в предложения, если они выступают с процессуальным семантическим значением (ср.: плодоебор); те же из них, которые употребляются в значении лица или устройства, выполняющих определенное действие, свободно соотносятся с соответствующими предложениями (ср.: рыболов, высотомер).

² См. примеры на с. 214.

³ См. примеры на с. 214.

мации того или иного сложного существительного непосредственно зависит от производящего суффикса и семантического значения слова, предопределяемого конкретным суффиксальным показателем или его формальным отсутствием и, наоборот, не зависит от составляющих корней.

Так, русское сложное слово «дымоход» относительно свободно соотносится со своим предложенческим коррелятом, «то, откуда выходит дым», но не имеет коррелятивной словосочетательной пары, в то время как слово «пароход», образованное посредством включения того же девербативного корня «ход», может быть замещено как предложенческим, так и словосочетательным синонимами.

Сравним:

пароход—то, что «ходит» на паре,
«ходящий» на паре.

Сопоставительный анализ русско-армянского сложного лексического материала показал, что синтаксические корреляты параллельных русских и армянских композитов содержат те же опорные производящие корни, что и соответствующие сложные слова.

Сравним:

зверолов—1) *ловящий зверей*,
2) *тот, кто ловит зверей*;
водолюб—1) *любящий воду*,
2) *тот, кто любит воду*

и т. д.

Сравним с армянским:

զազաճեցու—1) *զազաճեցի շնորհ*,
2) *եւ, ով զազաճեցի է շնորհ*,
ըրաւոր—1) *ընր շրջող*,
2) *եւ, ով ընր է շրջում*.

Однако в словарях встречаются также сложные существительные (правда, в ограниченном количестве), синтаксические эквиваленты которых включают корни, отличные от корней синонимичных сложных слов. Это, в частности, касается опорного девербативного корня «есть» и его армянского эквивалента «*կեր*».

Синтаксическая объективация русских сложных слов «сладкоежка», «мясоед» и т. п. выглядит так
любящий сладкое,
любящий мясо

или

тот, кто любит сладкое,
тот, кто любит мясо.

Аналогично в армянском:

խոցըրախի—1) *խոցըր շրջող*,
2) *եւ, ով խոցըր է շրջում*,
մսախի—1) *միս շրջող*,
2) *եւ, ով միս է շրջում*.

Итак, при синтаксической трансформации сложных лексических единиц, включающих опорный девербативный корень «есть» («*կեր*»), последний замещается идентичным девербативным же корнем «люб» («*սիր*»), сохраняющим неизменной семантику основного элемента композита.

Несколько необычным и потому заслуживающим внимания с синтаксической точки зрения является сложное существительное «сороход». Его синтаксические корреляты «ходящий быстро» и «тот, кто ходит быстро», сохранив неизменным свой опорный компонент в форме девербативного корня «ход», претерпели изменение в зависимой части.

Сравним:

сороход—*ходящий быстро*;
тот, кто ходит быстро,

т. е., сохранив принадлежность к тому же морфологическому разряду, что и соответствующее сложное слово, зависимые части указанных синтаксических конструкций изменили свой корень.

Армянское соответствие русскому сложному слову «скороход» представлено следующими двумя лексическими синонимами: «*արագաձագ*» и «*բազընբացիկ*».

Семантику русского опорного deverбативного корня «ход» точнее и полнее отражает армянский глагол «*ընթանալ*», нежели глагол «*գլորել*».

В отличие от соответствующего русского сложного слова, где изменения при синтаксической объективации затрагивают лишь зависимую часть слова, в синонимичных армянских сложных лексических единицах изменены оба компонента: как зависимый, так и опорный.

В русско-армянских словарях не обнаружено слова «*արագընթաց*», которое, думается, наиболее удачно отражало бы семантику русского сложного слова «скороход» и при синтаксической объективации не претерпевало бы никаких изменений.

Сравним:

արագընթաց—արագ ընթացող.

При попытке же трансформировать два словарно зафиксированных армянских сложных слова «*արագաձագ*» и «*բազընբացիկ*» мы в одном случае вынуждены заменить его опорную основу («*արագաձագ—արագ ընթացող*»), в другом—зависимый компонент («*բազընբացիկ—արագ ընթացող*»).

Тем не менее, подобные «смещения» не представляются существенными, тем более, что оба вышеприведенных армянских слова полностью сохраняют и адекватно передают семантику русского композита «скороход».

Изучение параллельных русских и армянских композитов в синтаксическом плане, т. е. восстановление синтаксических синонимов сложных существительных, иначе, их описание на синтаксическом уровне языка, имеет также определенное практическое значение.

Так, при интерпретации в нерусской аудитории русских сложных слов на лексическом же уровне студенты зачастую затрудняются в их восприятии, поскольку часто лексические синонимы им бывают неизвестны, либо непонятны. Синтаксическое же комментирование того или иного сложного слова в такой аудитории представляется более результативным, ибо, как уже было отмечено, синтаксические конструкции, отражающие семантическое значение соответствующих композитов, призваны эксплицировать («описывать») имплицитную семантику последних. А любые описательные средства более доступны для восприятия, нежели какие-либо другие.

Студент неязыкового факультета, естественно, скорее воспримет и прочтёт закрепит в памяти следующую интерпретацию сложных слов:

*деребообработка—обработка дерева,
камнедробильщик—тот, кто дробит камни;
сноповязалка—то, чем связывают снопы;
соковыжималка—то, чем выжимают сок*

и т. д., чем их синонимичную лексическую замену (если она возможна).

Помимо этого, простое усвоение лексического синонима того или иного композита зачастую оказывается механическим, заученным, но не понятным. Синтаксические же конструкции, эксплицирующие внутреннюю семантику соответствующего композита, полностью засвечивают структуру последнего.

Это, однако, не означает, что в не русской аудитории следует вовсе исключить синонимическое лексическое толкование сложных слов. Проведение такой работы представляется более целесообразным на продвинутом этапе обучения.

Если студенту уже известно внутреннее содержание того или иного композита (из соотносительных синтаксических конструкций), то на следующем этапе можно дать его лексический синоним (если он существует).

Помимо эффективности синтаксической интерпретации сложных лексических единиц в нерусской аудитории, данный метод необходим, т. к. порой оказывается единственно приемлемым.

Цело в том, что большая часть зафиксированных в словарях композитов не имеет лексических синонимов; синтаксическое же толкование сложных слов, как мы видели

выше, всегда возможно⁴. Вследствие этого, семантика подобных композитов может быть эксплицирована лишь посредством соотнесения последних с соответствующими словосочетаниями или предложениями.

В слабой аудитории имеет смысл практиковать перевод русских композитов, параллельно интерпретируя армянское сложное слово посредством соотнесения с определенными синтаксическими конструкциями.

Студенты такой аудитории смогут лучше усвоить рассматриваемые единицы путем их соотнесения с коррелятивными армянскими лексическими и синтаксическими эквивалентами.

Сравним, к примеру:

огнеушитель — *հրամարիչ*: *то, чем тушат огонь* — *այն, ինչով հուր են մարում*:

воздухоочиститель — *օդամաքիչ*: *то, чем очищают воздух* — *այն, ինչով օդն են մաքրում*.

и т. д.

В методических же целях представляется полезным составление своеобразного словаря, содержащего толкование сложных слов посредством их соотнесения со словосочетательными и предложенческими коррелятами.

Բ. ԽՈՋՈՒՄՅԱՆ — Ռուսերեն և հայերեն բարդ բառերի շարահյուսական ձևի մասին. — Հոդվածում դիտվում են ուսերեն և հայերեն բարդ բառերի «ներքին» (կամ շարահյուսական) ձևի հետ կապված որոշ կարևոր հարցեր: Փորձ է արվում մեկնաբանել բարդ բառերի իմաստը համապատասխան բառակապակցությունների կամ ստորադասական նախադասությունների միջոցով: Կոնկրետ նյութի ուսումնասիրությունից պարզվում է, որ որոշ բարդություններ, որոնք երբեմն նկատվում են բարդ բառերը շարահյուսական կապակցությունների վերածելիս, առաջանում են սովյալ բառը կազմող ածանցի իմաստը բառին փոխանցվելու հետևանքով:

Հոդվածում որոշակի տեղ է հատկացվում հարցի ուսումնա-մեթոդական կողմին: Այսպես, օրինակ, նպատակահարմար է թվում բարդ բառերի բառարան կազմելը, որտեղ այդ բառերի բացատրությունը կտրվի նրանց համապատասխանող շարահյուսական կառուցվածքների միջոցով: Այդպիսի բառարանը կօգնի ոչլեզվական ֆակուլտետների ուսանողներին ճիշտ ըմբռնելու այս կամ այն բարդ բառի իմաստը:

⁴ См.: Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова М., 1981.